

ХРАНИТЕЛИ ГИЛЬДИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АСЯ РЕЙН

18+

Ася Рейн

Хранители Гильдии

<https://litres.ru/73740504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — хранительница между мирами. Он — глава Гильдии, способный убить одним касанием любого. Их связь невозможна. Но судьба выбрала иначе.

Обычная девушка случайно обнаруживает в себе редкий дар: проходить сквозь магические порталы и помнить всё. Теперь она — одна из восьми Хранителей Имерии, мира, где магия течёт вместо воздуха, а за равновесием между мирами следят из Бастиона.

Её наставник и глава Гильдии — холодный, смертоносный, завораживающий. Он способен высасывать жизненную силу из живых существ одним прикосновением — и потому боится прикасаться даже к своим. Кроме неё. В ней нет магии, она из Пустышки, как здесь называют наш мир. Рядом с ней он впервые за долгие годы чувствует себя... живым.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ася Рейн

Хранители Гильдии

Глава 1

Я стояла у раскрытого шкафа, в котором царил идеальный порядок, и гипнотизировала взглядом аккуратные стопки белья. Пальцы сами тянулись к черному кружеву — выбор был очевиден. На мне должно быть что-то, от чего у мужчины перехватит дыхание, но при этом я должна чувствовать себя богиней, а не дешевой куклой. Взяла два комплекта: один — с жестким корсетным лифом и поясом для чулок, тонкие бретели которого лягут на ключицы соблазнительной паутиной; второй — мягче, из эластичного шелка, на всякий случай. Чулки — только черные, с широким кружевным краем. Других у меня вообще не было. Почему-то мне всегда казалось, что на бледной, почти фарфоровой коже только черный цвет смотрится по-настоящему эротично, подчеркивая контраст невинности и греха.

Рядом с бельём уже лежали два легких платья: одно — коктейльное, глубокого синего цвета, другое — простой сарафан черного цвета, который можно набросить после... всего. В сумку полетели босоножки на тонких ремешках, косметичка с любимыми духами, маленький шелковый халат.

Сердце колотилось где-то в горле, но я старалась не думать о том, что на самом деле меня ждет впереди.

— Вилия, ты уже собралась? — голос мамы ворвался в комнату вместе с легким сквозняком из коридора. Она заглянула, и я тут же почувствовала на себе её фирменный рентгеновский взгляд — такой бывает только у матерей, которые знают своих детей лучше, чем те сами себя. Она окинула меня быстрым взглядом с ног до головы, задержалась на моих руках, нервно теребящих кружево, и на полуоткрытой сумке, где в беспорядке перемешались платья и белье. — Ты точно на работу едешь, а не в тайный отпуск с любовником?

Я заставила себя улыбнуться. Легко, расслабленно, как и положено опытной лгунье.

— Точно, мамуль. Меня не будет две недели. Может, чуть дольше — как пойдут переговоры. Сама знаешь, подписание договора — дело непредсказуемое.

Врать матери я научилась давно. Сначала по мелочам, потом — всё больше. Казалось бы, за столько лет эта ложь должна была отскакивать от зубов, как семечки, но каждый раз, встречаясь с её доверчивым взглядом, я чувствовала, как внутри что-то неприятно сжимается. Особенно сейчас, когда на самом деле я понятия не имела, когда вернусь и вернусь ли вообще.

Мама не стала допытываться. Вместо этого она подошла ко мне и просто обняла. Крепко, по-хозяйски, как умеют только матери. Я уткнулась носом в её плечо, вдыхая знако-

мый с детства запах ванили и свежего хлеба — она всегда пекла по утрам.

— Дорогая, будь осторожна, — прошептала она, и я почувствовала, как её руки чуть дрогнули. Она закрыла глаза, медленно выдыхая, словно пыталась выдохнуть всю свою тревогу за меня. — Мне не очень нравится твоя работа... Может, уйдешь оттуда? Вечные твои разъезды. В прошлый раз тебя не было месяц. Целый месяц я не могла до тебя дозвониться, не знала, жива ли ты, сыта ли. Я так переживаю, моя девочка. Сердце не на месте.

Голос у неё дрогнул на последних словах, и у меня внутри всё перевернулось. Я обняла её в ответ, прижимая к себе так сильно, будто это было в последний раз. В висках застучало: «Прости, прости, прости...».

— Мамуль, ну ты же знаешь, в те районы, куда я езжу, нет нормальной связи. Это новые кварталы, наша фирма их отстраивает с нуля, там даже вышек сотовых пока нет, — затараторила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Зато платят столько, что мы с тобой можем ни в чем себе не отказывать. И никогда не задерживают зарплату. Ни разу.

— Никакие деньги не стоят того, чтобы мать каждую ночь не спала, ворочалась и слушала тишину, — тихо ответила она и, мягко отстранившись, заглянула мне в глаза. В её зрачках стояла такая тоска, что мне захотелось немедленно всё рассказать. Но я не могла. — Ты уже взрослая, доченька. Кем работать и где — тебе решать. Я просто хочу, чтобы ты зна-

ла: я всегда за тебя переживаю. Всегда.

Она натянуто улыбнулась — той самой улыбкой, которой мамы улыбаются, когда отпускают детей во взрослую жизнь, и вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Я перевела дух и глянула на часы. Чёрт! Метнулась к шкафу, на автомате схватила две пары чулок, пояс с кружевным лифчиком — первое, что попало под руку, — и кинула в сумку поверх платьев. Туда же полетели вторые босоножки, косметичка с самым необходимым. Молния заела, пришлось с силой дёрнуть. Готова.

— Мам! — крикнула я уже из прихожей, натягивая балетки. — Звонить бесполезно! Я сама буду писать смс, когда смогу! Но ты знаешь, связи почти не будет! Постараюсь через две недели быть, но не обещаю! Через месяц — точно буду! Люблю, целую!

На кухне что-то звякнуло, и мама выскочила в коридор, вытирая мокрые руки о фартук. Волосы выбились из пучка, на щеке — мука.

— Уже так скоро? — растерянно спросила она. — Может, хоть поешь на дорогу? Я пирожков испекла, с картошкой...

— Мамуль, прости, я безумно опаздываю! Самолёт через час, я просто не успею! — чмокнула её в лоб, на ходу поправляя ляжку сумки, и вылетела за дверь.

Лестница встретила меня гулкой прохладой подъезда. Я бежала вниз, перепрыгивая через ступеньки, а сзади, в открытой двери квартиры, стояла мама и не закрывала её, гля-

дя мне вслед. Краем глаза я увидела, как её рука поднялась и медленно перекрестила воздух. Меня. На удачу.

Последняя ступенька. Тяжёлая дверь подъезда. И мысль, которую я гнала от себя всю дорогу: «А если я больше никогда её не увижу?».

Я запретила себе думать об этом. Вдох-выдох.

Я бежала по переулкам, путаясь в собственных мыслях и то и дело спотыкаясь о выщербленную брусчатку. Петербург в этот час был прекрасен и одновременно опасен: золотые огни набережной манили туристов, а тёмные подворотни дышали сыростью и чем-то нехорошим. Но выбора не было — короткий путь к светофору лежал именно через эти кривые улочки старого города.

Я очень торопилась. Мы договорились с Риданом встретиться ровно в двадцать один ноль-ноль у того светофора, где кончается пешеходная зона и начинается проспект. Ридан не любит, когда опаздывают. Особенно — его хранители. А я теперь одна из них.

— Что за красotka ходит одна? — голос, липкий и низкий, выплыл из темноты раньше, чем фигуры.

Из-за угла, где горел только один фонарь и тот с перебитой лампой, вышли двое. Я сразу поняла: не просто пьяные. Таких взглядов не бывает у случайных прохожих.

Они двигались бесшумно, как тени, и в этой бесшумности чувствовалась страшная, хищная грация. Тот, что шёл первым, был высок, под два метра, с длинными сальными воло-

сами, стянутыми в хвост на затылке. Лицо — словно вырублено из камня грубым инструментом: тяжёлая челюсть, глубоко посаженные глаза, почти без белков, и тонкий шрам, рассекающий верхнюю губу, отчего казалось, что он постоянно скалится. Одет в чёрную кожаную куртку, на груди — тусклая цепь, пальцы украшали дешёвые перстни, но под рукавом я заметила край татуировки — какой-то тёмный символ, похожий на клеймо. От него пахло потом, дешёвым табаком и ещё чем-то металлическим, будто кровью.

Второй был ниже, но шире в плечах, с бритой головой и маленькими злыми глазами, которые смотрели на меня так, словно я уже лежала перед ними голая и беспомощная. На скуле у него красовался свежий синяк, костяшки пальцев были сбиты в кровь. Одет в спортивные штаны и грязную майку-алкоголичку, под которой угадывалась массивная фигура борца. Он поигрывал ножом-бабочкой — лезвие то выскальзывало из рукояти, то пряталось обратно, щёлкая с мерзким металлическим звуком.

Я сделала вид, что не слышу, и попыталась обойти их, прижимая сумку к груди. Сердце заколотилось где-то в горле.

— Эй, я к тебе обращаюсь! — первый шагнул вперёд и грубо схватил меня за локоть. Пальцы впились в кожу так сильно, что я вскрикнула. Боль пронзила руку, отдаваясь острым импульсом в плечо. Он дёрнул меня к себе, и я чуть не упала, каблук балетки соскользнул с мокрого камня.

— Пустите! — выдохнула я, пытаюсь вырваться.

— Тебя что, не учили, что не отвечать на вопросы неприлично? — прошипел он, наклоняясь к моему лицу. Из рта разило перегаром и будто гнилью.

— Шлюха хочет строить из себя недотрогу? — оскалился лысый, подходя ближе. Нож в его руках замелькал быстрее. — Смотри, какая чистая, беленькая... Таких мы любим.

— Красотка, пошли с нами, — сальный потянул меня в сторону тёмного проулка, где даже фонарей не было. — Будь послушной девочкой — и мы тебе ничего не сделаем. Ну, почти ничего, — он хрипло засмеялся, и лысый подхватил этот смех.

Меня затрясло. Страх ледяной волной прокатился от затылка до пяток, но где-то глубоко внутри, там, где жила та самая Вилия, что согласилась стать хранителем Гильдии, закипала злость. Нет, я не позволю.

Я резко дёрнулась, пытаюсь вырвать руку, вцепилась свободной ладонью в его пальцы, царапая ногтями. Он взвыл, но хватку не ослабил, наоборот, сжал так, что я слышала хруст собственных костей. Боль взорвалась под кожей, отдаваясь тошнотой в животе.

— Ах ты сука! — взбесился он и размахнулся.

Удар пришёлся в скулу. Мир на мгновение погас, сменившись миллионом искр перед глазами. Я пошатнулась и, если бы он не держал меня за руку, упала бы на грязную брусчатку. Голова загудела, во рту появился металлический привкус

крови, щеку обожгло огнём — наверное, рассек кожу своим перстнем.

— Шлюхи не сопротивляются, — лысый оказался рядом и, схватив меня за волосы, с силой прижал спиной к холодной шершавой стене какого-то дома. Я ударилась затылком, в глазах снова потемнело. Он навалился всем телом, прижимая меня к кирпичам так, что стало трудно дышать. От него несло потом и дешёвым одеколоном, смешанным с запахом крови с разбитых костяшек.

Я попыталась крикнуть, но он зажал мне рот ладонью — грубой, пахнувшей железом и грязью. Второй рукой, той самой, с ножом, он провёл лезвием по моей шее, не разрезая, но пугая холодом стали. Я замерла, боясь дышать.

— Будешь орать — перережу горло, — прошептал он мне в ухо, и его язык скользнул по мочке. Меня передёрнуло от омерзения.

Первый тем временем подошёл с другой стороны и поднял подол моего платья вверх. Ткань жалобно треснула, я почувствовала, как холодный воздух коснулся голых бёдер. Его пальцы, грубые и нетерпеливые, впились в кожу, сжимая ягодицы, сминая плоть. Я дёрнулась, пытаюсь ударить лысого коленом, но он лишь рассмеялся и сильнее вжал меня в стену.

— Люблю таких, — выдохнул он.

Но вокруг была только темнота, запах гнили и чужие руки, жадно ощупывающие моё тело.

Стена впиалась в спину холодом и шершавой крошкой кирпича. Лысый прижимал меня грудью к этой стене, и его колено грубо раздвигало мои ноги, не давая сомкнуть бёдра. Я чувствовала каждой клеткой его потное, тяжёлое тело, вонь перегара и грязной одежды. Лезвие ножа всё ещё холодило кожу у горла, но уже не так плотно.

Он рванул резинку трусиков с такой силой, что тонкая ткань впиалась в бедро, обожгла кожу. Я услышала противный треск — кажется, кружево не выдержало. Его пальцы, грубые, с обломанными ногтями, скользнули под ткань, сжимая ягодицу, сжимая кожу. Из горла вырвался сдавленный всхлип, который тут же утонул в его ладони, зажимавшей мне рот.

— Какая же ты сладкая, — прохрипел он мне в ухо, и его язык снова скользнул по мочке, оставляя липкую слюну. — Сейчас мы тебя хорошо повеселим.

Второй, тот, что с хвостом, стоял сбоку и расстёгивал ширинку, довольно скалясь ртом. В свете одинокого фонаря его лицо казалось маской из ночного кошмара — глубокие тени провалились в глазницы, шрам на губе дёргался в такт учащённому дыханию.

— Держи её крепче, — бросил он лысому. — Я первый. Меня затрясло. Не от холода — от животного, первобытного ужаса, который затопил всё нутро ледяной водой. Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, вцепилась ногтями в руку, зажи-

мающую рот, но лысый лишь рассмеялся глухо и сильнее вжал меня в стену, так что затылок стукнулся о кирпич.

— Брыкайся, детка, мне так даже больше нравится, — выдохнул он, и его пальцы, оставив ягодицу, поползли ниже, туда, куда я даже думать боялась.

Я зажмурилась. Молиться? Кому?

И вдруг — тишина.

Не та тишина, которая бывает между ударами сердца, а мёртвая, звенящая, будто мир замер.

— Оставьте девушку.

Голос. Знакомый. Низкий, спокойный, с ледяной сталью в интонациях. Голос, который не терпит возражений, который привык, что ему подчиняются с первого слова.

Я распахнула глаза и повернула голову.

Лезвие полоснуло по шее.

Острая боль — и что-то тёплое побежало по ключице, затекает за воротник платья. Лысый, отвлѣкшись, дёрнул руку с ножом, но было поздно — лезвие уже оставило свой след.

Но я не смотрела на кровь. Я смотрела туда, откуда пришѐл голос.

Ридан.

Он стоял на границе света и тьмы, там, где тусклый фонарь выхватывал из темноты лишь часть фигуры. Чѐрная рубашка, тѐмные брюки, тяжѐлые ботинки. Лица почти не видно — только глаза. Эти глаза цвета грозового неба, которые сейчас казались чѐрными, бездонными и горели такой лю-

той, ледяной яростью, что у меня перехватило дыхание.

Он стоял неподвижно, как статуя, но в этой неподвижности чувствовалась пружина, готовая распрямиться со скоростью молнии.

— Парень, уходи отсюда, — лысый всё ещё пытался сохранить спокойствие, но голос его дрогнул. Он чуть отодвинул нож от моего горла, видимо, заметив кровь и испугавшись, что зарезал меня раньше времени. — Не видишь, мы развлекаемся? Вали, пока цел.

— Я предупреждаю всегда один раз, — сказал Ридан.

И всё.

Я не успела моргнуть.

Секунда — и лысого рядом не было. Просто исчез. Только что стоял, вжимая меня в стену, и вдруг — пустота. Я пошатнулась, теряя опору, и упала бы на колени, если бы меня не поддержала стена. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли круги.

А когда зрение прояснилось, оба лежали на земле.

Лысый — метрах в трёх от меня, скорчившись в позе сломанной куклы. Голова вывернута под неестественным углом, рука, та самая, что только что шарила по моему телу, сломана в локте так, что кость прорвала кожу и белела в темноте влажным осколком. Он не двигался. Вообще.

Сальный — лежал ниже, лицом в лужу. Из-под головы медленно расплзалась тёмная жижа, густая и блестящая.

Возле его правой руки, которая ещё минуту назад расстёгивала ширинку, валялся нож-бабочка, раскрытый и бесполезный.

И тишина. Только капли — то ли дождя, то ли крови — мерно стучали по брусчатке.

Ридан стоял между ними. Даже не запыхался. На рубашке — ни пятнышка. Он смотрел на меня, и в его взгляде что-то изменилось. Ярость ушла, спряталась глубоко внутрь, осталась только странная, напряжённая сосредоточенность.

— Спасибо, — прохрипела я.

Голос прозвучал чужим, сиплым, будто не моим. Я поднесла руку к горлу — пальцы мгновенно стали липкими и влажными. В тусклом свете увидела на подушечках тёмные капли. Кровь. Моя кровь. Порез саднило, пульсировало болью.

Ридан сделал шаг, другой — и оказался рядом. Так близко, что я снова ощутила его запах — древесный, такой знакомый, такой родной, что на глаза навернулись слёзы. Слёзы облегчения, ужаса, боли — всего сразу.

— Ты когда-нибудь научишься действовать без приключений? — спросил он, и в голосе не было упрёка. Скорее усталая насмешка, за которой пряталось что-то тёплое.

Он сунул руку в карман брюк и протянул мне платок. Белый, идеально сложенный квадрат ткани — такие носят только те, кто привык к порядку во всём.

Я взяла дрожащими пальцами, прижала к шее. Ткань

мгновенно пропиталась алым, прилипла к порезу. Руки тряслись так сильно, что я боялась — выроню.

Ридан смотрел на меня. Взгляд скользнул по лицу, по крови на ключице, спустился ниже — на разорванное платье, на голые бёдра, на трусики, которые теперь безнадёжно испорчены и висят лоскутами. В его глазах мелькнуло что-то тёмное, опасное, но он ничего не сказал. Только сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки.

Потом медленно, очень медленно, поднял руку и коснулся моего подбородка. Пальцы — горячие, несмотря на ночную сырость — чуть сжались, заставляя запрокинуть голову. Он отвёл платок, осмотрел порез. Я замерла, чувствуя его дыхание на своей коже, чувствуя каждую линию его ладони на моём лице.

— Глубокая? — прошептала я.

— Нет, — ответил он, и голос его прозвучал глухо. — Царапина. Заживёт.

Он отпустил меня и, развернувшись, подошёл к моей сумке, которая валялась влуже, раскрывшись. Косметичка, платье, чулки, пояса — всё перемешалось с грязной водой. Ридан наклонился, быстрым движением собрал вещи обратно, не глядя, что берёт, застегнул молнию и вернулся ко мне.

— Накинь, — он протянул мне куртку, сняв с себя, набросил мне на плечи.

Тяжёлая, тёплая, пахнувшая им. Я зарылась лицом в воротник, вдыхая этот запах, пытаюсь унять дрожь. Куртка скрыла

разорванное платье, спрятала меня от мира, от этих двух тел на земле, от всего ужаса этой ночи.

— Идти можешь? — спросил Ридан.

Я сделала шаг, и ноги подкосились. Если бы он не подхватил меня под локоть, я бы рухнула прямо на труп сального.

— Вилия.

Его голос у самого уха, низкий, вибрирующий. Я почувствовала, как его рука обхватывает мою талию, прижимая к себе. Твёрдая, надёжная, единственная реальность в этом кошмаре.

— Я держу, — сказал он. — Опирайся.

Я опёрлась. И мы пошли.

Медленно, шаг за шагом, мимо двух тел, мимо лужи, в которой отражался тусклый фонарь, мимо стены, к которой меня прижимали. Ридан нёс мою сумку, поддерживал меня, и я чувствовала, как его пальцы чуть сжимаются на моей талии — то ли проверяя, не упаду ли, то ли просто... просто не отпуская.

— Как ты здесь оказался? — спросила я, когда мы вышли из переулка на набережную. Голос всё ещё дрожал, но уже не так сильно.

— Ты кричала, — коротко ответил он. — Мысленно. Так громко, что я услышал.

Я промолчала. Только сильнее прижалась к нему, вдыхая его запах, чувствуя тепло его тела. И думала о том, что, наверное, это и есть то самое — чувствовать себя в безопасно-

сти. Даже когда вокруг тьма. Даже когда только что тебя чуть не убили. Даже когда тот, кто держит тебя сейчас, — самая большая опасность в моей жизни.

Глава 2

Я шла рядом с ним, кутаясь в его куртку, и чувствовала, как кровь на шее засыхает, стягивая кожу. В голове — одна мысль: что будет дальше?

Мы подошли к светофору. Там уже ждал чёрный внедорожник — тонированные стёкла, хищный силуэт. Ридан открыл передо мной дверь.

— В театр? — спросила я, забираясь внутрь. Голос хриплый, чужой.

— Сначала заедем в одно место, — он сел за руль. — Тебе нужно обработать рану.

Двигатель взревел, и нас вдавило в кресла. Ридан влетел на красный, проскочил в миллиметре от несущейся справа машины. Я вцепилась в ремень, лихорадочно защёлкивая его.

— Ты всегда так лихачишь, или сегодня особый случай? — спросила я, прижимая платок к шее. Кровь всё ещё сочилась, ткань промокла насквозь.

— Мы опаздываем, — бросил он, не отрывая глаз от дороги.

Я смотрела в окно на пронсящие огни Питера и старалась не думать о переулке. Не получалось.

— Вилия. Дыши ровнее. Сейчас гипервентиляцию поймаешь.

Сделала глубокий вдох. Выдох.

— Прости.

— Не за что извиняться. Ты в порядке. Ты со мной.

Эти два слова согрели лучше любой куртки.

Он остановился у круглосуточной аптеки, вышел и через минуту вернулся с белым пакетом.

— Пока не доберёмся до Гильдии, обработай сама. Дальше в Империи возьму заживляющую мазь.

Я достала перекись, вату. Крышка поддалась с хрустом. Налила на диск, поднесла к шее. Шипение, адская боль.

— Да сядь ты. Дай сюда.

Он выхватил вату, развернул меня к себе и начал аккуратно промокать рану. Осторожно. Почти нежно. Пальцы горячие, лицо близко-близко. Я замерла, боясь дышать.

— Больно?

— Терпимо.

— Врёшь, — усмехнулся он, но движения стали мягче.

Он обработал порез, потом провёл диском по ключице, стирая кровь. Вата скользнула по ложбинке между грудей — я почувствовала, как щёки заливают жаром.

— Готово. Синяк будет знатный.

Я смотрела в приборную панель, не зная, куда девать глаза.

— Таблетки выпей, — кивнул он на пачку. Я проглотила две, запила водой из бутылки.

— На заднем сиденье чёрный плащ. Мой и твой.

Я потянулась назад, нащупала ткань. Два длинных балахона с глубокими капюшонами. В таком можно закутаться с головой — и никто не увидит ни лица, ни разорванной одежды.

Ридан снова рванул с места. Мы мчались сквозь ночной город, и это уже было не просто нарушение — искусство. Он обходил машины, выныривал на встречную полосу ровно настолько, чтобы проскочить, и снова нырял в свой ряд.

В центре свернул в тёмный переулок. Здесь не было фонарей. Только мокрая брусчатка и облупившиеся стены.

Пошёл дождь.

Я передала Ридану его плащ, накинула свой.

Мы вышли. Дверь машины хлопнула. Я подняла глаза.

Заброшенный театр.

Огромный, тёмный, молчаливый. Окна забиты досками, штукатурка облупилась. Но я знала, что под ним — портал в Имерию.

Ридан стоял рядом — чёрный силуэт в плаще с капюшонам. От него исходила опасность, как жар от печи.

— Готова?

— Да.

Он протянул руку, в другой держал мою сумку. Мы двинулись к чёрному ходу. Дверь поддавалась с протяжным скрипом. Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то древним. Ридан включил фонарик на телефоне.

Мы спустились в подвал. Каменные ступени стёрлись, пе-

рила сгнили. Я держалась за стену, чтобы не оступиться.

Внизу, в центре зала, светился слабый синеватый контур.
Портал.

— Красиво, — прошептала я.

— Это просто дверь.

Он откинул мой капюшон. Пальцы задержались на ткани, потом скользнули к волосам, убрали прядь с лица. Я замерла.

— Там, за порталом, начинается твоя настоящая жизнь,
— сказал он тихо. — Ты готова?

— С тобой — да.

Он улыбнулся — впервые за эту ночь тепло, по-настоящему.

— Тогда идём, хранительница.

Он взял моё лицо в ладони и поцеловал в лоб. Просто.
Легко. У меня подкосились колени.

А потом он взял меня за руку, и мы шагнули в сияние.

Мир взорвался светом.

— Вы опо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.